

А. Волков

Свобода и демократия – в России не ценности

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Volkov_27.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

Свобода и демократия – в России не ценности

Александр Волков,
доктор исторических наук

Снова у нас как-то беспокойно. Собственно, подлинной стабильности наше общество уже давно не знает. Может, это даже хорошо? Социологи любят говорить о мутном бульоне, в кипении которого только и зарождается нечто живое, новое. Известна острота из английского фильма «The Third Man», что Италия за время правления Борджиа пережила войну, террор, кровопролитие и убийства, но она дала миру Микеланджело, Леонардо да Винчи и Ренессанс. А в Швейцарии была братская любовь – 500 лет демократии и мира – и что в результате? Часы с кукушкой.

Наверное, потомкам интересно вспоминать о бурных временах, но каково было тем, кто в них жил?

Старшие поколения нашей страны пережили свое «правление Борджиа» (Борджиа – Берия даже созвучно), но извлечен ли из этого урок? Михаил Федотов, бывший министр печати РФ, остроумно заметил, что тоталитаризм, в том числе советский, подобен глубочайшей яме: падаешь в один миг, зато выбираешься всю жизнь. Чем глубже упал, тем дольше обратный путь, на поверхность, к людям. И уж совсем плохо, если, сталкивая в яму, напрочь отшибут память. Тогда теряются ориентиры, размываются очертания добра и зла, и яма кажется пригретым, уютным жилищем, покидать которое и лень, и боязно, и излишне.

Так вот, похоже, что у многих наших граждан отшибло, к сожалению, память о кошмарах тоталитаризма, а вместе с тем – и представления о ценности свободы и демо-

кратии, стремление к ним. Эрнест Геллнер в своей книге «Условия свободы», выпущенной Московской школой политических исследований, рассматривает свободу как высшую ценность, которая, однако, не дается человеку как некий дар, без собственных его усилий, прежде всего – без осознания этой вот истины, о её ценности, без преодоления многого в себе и в окружающем мире. Такое представление в благополучных странах господствует. Но у нас свободу и демократию ценят менее всего, а тратить усилия ради них желают совсем немногие. У нас живуча холопская приверженность «сильной руке». Это фиксируется социологами разных исследовательских центров, по результатам различных исследований – и длительных мониторингов, и последних опросов.

Судя по данным октябрьского опроса ВЦИОМ-А, задавшего респондентам вопрос «Какие права для вас самые важные», граждане на первое место ставят право на бесплатное образование, медицинскую помощь и так далее, а всякие демократические свободы относят в самый конец списка. Скажем, право избирать своих представителей в органы власти существенно лишь для 10 процентов граждан, право на получение информации – для 15-ти, свобода слова – для 19-ти, право на собственность – для 28 процентов. Любопытен момент в другом, несколько более раннем исследовании того же центра. По его данным рейтинг Путина чрезвычайно высок, он имеет поддержку широчайших слоев населения. Но тут же ставится вопрос: чьи интересы он представляет? При такой массовой под-

держке естественно ожидать ответа вроде «всего народа». И социологи дают похожие подсказки: «простых людей», «всех без исключения». Но с первым вариантом соглашаются лишь 17 процентов респондентов, со вторым — 13. Огромное большинство, 30 процентов (!), отвечают, что президент представляет интересы «силовиков». И наших граждан это вполне устраивает.

Последние данные подтверждают результаты многолетнего мониторинга ВЦИОМ, которые подводят к выводу, что с годами ухудшились оценки свободы слова, многопартийных выборов, сближения с Западом. Демократическая модель, пишет Юрий Левада, «вброшенная» в массовое сознание в конце 80-х годов (и, несомненно, поначалу поддержанная им) оказалась слишком сложной, а потому и «чужой» для большинства населения. После десятилетия ельцинских перемен и кризисов это большинство жаждет порядка и покоя под сенью «сильной руки».

В конце октября обнародованы также результаты исследования «Портрет политически активного гражданина России», проведенного Институтом развития избирательных систем (ИРИС) совместно с ЦЕС-СИ, Институтом государства и права РАН и фондом ИНДЕМ. Здесь тоже выясняется, что такие понятия, как свобода слова и избирательное право, волнуют очень небольшую часть населения страны, и 63 процента россиян никогда не участвовали в общественной деятельности.

Фонд «Общественное мнение», в свою очередь, констатирует, что свобода в иерархии ценностей занимает лишь 12 место, с некоторыми отклонениями в различных социальных группах. Отвечая на вопрос исследователей ИКСИ РАН, «изменилось ли за годы реформ Ваше отношение к ценностям и идеалам демократии и гражданским свободам», почти треть россиян (29,8 процента) заявили, что они разочаровались в этих ценностях и идеалах. «Прирост» же сторонников оказался гораздо скромнее — всего 5,8 процента. Общее соотношение сторонников и противников демократии по-русски (понятия, конечно, несколько условные) сегодня со-

ставляет 22 процента к 53-м. За последние пять лет доля респондентов, считающих важным право выбирать между несколькими партиями, сократилась с 15,5 процента до 3,1. Стойко (хотя и несколько меньшими темпами) снижается и значимость существования оппозиции, способной контролировать президента и правительство, — с 20,6 до 14,7 процента за пять лет. Страна, делают вывод социологи, успела заметно разочароваться в демократии.

Вот таким в итоге предстает наше, российское, отношение к свободе и демократии в публикациях практически семи исследовательских центров.

Разумеется, это уже не только наследие тоталитаризма, хотя его влияние в массовой психологии продолжает сказываться — вот это самое чувство уюта в пригретой яме, приверженность привычному и нежелание приспособливаться даже к лучшему, спокойствие от неизменности состояния и нежелание нарушить этот уют. Ещё Аристотель писал в своей «Политике» о людях, которые «по своей природе... рабы; для них — лучший удел быть в подчинении у деспотической власти». Та же, по сути, мысль у современного британского врача-психолога Бориса Сирюльника: «Свобода одновременно и условие расцвета, и источник тревог. Утрата свободы — лучший транквилизатор. Подобные вещи я наблюдаю у себя в клинике. Люди, которые прежде не могли обходиться без успокоительных средств, забывают о них, записавшись в какую-нибудь экстремистскую партию, став членом секты или поступив на службу в армию». То есть подчинение чужой воле и сложение с себя ответственности даже за собственное поведение оказывается для многих лучшим решением всех проблем.

Аристотелевское «по своей природе», думается, всё же не абсолютно верно. Свободу сознают, воспринимают как ценность те, кто её имел, но утратил. Это как воздух, о котором не думают, если его достаточно (не зря же говорится «естественно, как дыхание»), но как только его не хватает, тут же готовы отдать за глоток его всё, что есть. Так и со свободой. Ну, а если её не имел?..

Георгий Пинхасов. Революция. 1991

Психологическое наследие тоталитаризма — очевидно. Однако кое-что у нашего населения отшибли и годы реформ, когда как раз пытались выбраться из ямы, да тоже срывались и падали. Расхождение деклараций и поступков политиков, а равно и акторов экономического процесса, бизнесменов и менеджеров, правовая необустроенность общества, то, что демократы, их партии сто раз уже между собой перессорились, а с властями то одни, то другие заигрывают — это и многое другое *дискредитировало* идеалы свободы и демократии. Социологи (ИКСИ РАН) отмечают, что существенную роль в снижении ценности демократической идеи играет «элитизация» политики, ее «приватизация» экономической и политической верхушкой. Три четверти россиян (78,3 процента) считают, что демократические процедуры — это пустая видимость, а страной управляют те, у кого больше богатства и власти. В самом деле, в начале процессов трансформации в России всё же начали уже понимать вкус свободы, ценность демократии, а потом... Мы живем формально по Конституции 1993 года, но фактически базисные основы демократического государства, которые в ней заложены — принцип разделения властей, независимость судебной системы, свобода СМИ, равенство всех форм собственности и всех граждан перед законом, местное самоуправление — уже в значительной мере подорваны. Свобода для наших граждан оказывается в этих условиях слишком абстрактным понятием. Или порою, напротив, слишком конкретным, узким: не сию в тюрьме — значит свободен. Не о чем больше и беспокоиться.

«От нас ничего не зависит», — считает большинство. С противоположной точкой зрения — что в делах страны многое зависит от простых граждан — согласны лишь 22,7 процента. И вот это, думается, самое серьезное — что так мало. Говорят, что на сцене царя играет окружение, демонстрирующее преклонение перед ним. Царь рывкнул — сцена вздрогнула, без этого не получится царя. Но ведь этот «прием» спи-

сан с жизни: царь, равно и диктатор, вождь может повелевать людьми, пока народ вздрагивает. Или даже безмолвствует. У нас получается порочный круг: ведь то, что население отказывается от идеалов свобо-

*«...если не знаешь, куда пристать,
то никакой ветер не будет попутным»*

ды, не ценит демократию, мирится с нарушениями её элементарных норм, проявляет такую любовь к своей высшей власти (а это тоже фиксируется социологами: «любит президента») создает благоприятнейший климат, как минимум, для авторитаризма. Стремящийся к чему-либо подобному лидер получает в этом как бы благословение, и демократия, свобода ещё более дискредитируются.

Сходные общественные проблемы в той или иной степени мучают, конечно, и граждан других, в том числе — западных стран. Многие, наверное, читали и «Закат Европы» и «Сумерки Запада». Там, в цивилизованных странах, тоже говорят о кризисе ценностей и целей, о проблеме понимания свободы. У многих авторов с тревогой звучит вопрос: каким же станет человек, когда он окажется действительно свободным? Каждый ли готов справиться с этим состоянием? Американский историк права Гарольд Дж. Берман размышляет о том, что больше угрожает Западу: анархия или диктатура, апатия и упадничество или фанатизм. Известный и у нас японский писатель Харуки Мураками пишет о молодом поколении страны: «Они отличаются от предыдущих поколений... Они не знают своей цели, своего предназначения, не понимают, что ими движет, когда они что-либо делают. Но я думаю, у них есть потенциал. И в то же время они опасны. Национализм — опасное движение в Японии... Против таких сильных течений не очень-то и поборешься». А вот совсем недавнее, нескольких дней назад высказывание замечательного писателя-фантаста Роберта Штекли, посетившего нашу страну: «Все говорят сегодня об угро-

зе терроризма. А, по-моему, американцам угрожает не столько терроризм, сколько наши собственные правые суперпатриоты. На волне 11 сентября они сумели навязать такие законы, по которым можно преследовать людей, о которых вроде бы известно, что они когда-то вроде бы были как-то связаны (или могли быть связаны) с террористами. Сплошные предположения и допущения, а из них делаются конкретные выводы, и интересы людей ущемляются. Эти законы гораздо опаснее любого терроризма». Не напоминает ли это и некоторые коллизии у нас? Однако всё это — *не отрицание* ценности свободы и демократии, а *озабоченность* их сохранением, углублением их понимания, совершенствованием механизмов их наиболее полной реализации.

Проблемы эти многочисленны и многообразны. Отсюда — желание найти не только средства лечения «по симптомам», как говорят медики, но и некую новую формулу (парадигму, модель) организации общественной жизни, ибо прежние формулы и модели все более обнаруживают свою исчерпанность. В том числе — и казавшаяся до последнего времени наиболее адекватной модель евро-атлантической цивилизации. Но еще прежде того — желание раскрыть и понять намеки на это будущее устройство в реальных тенденциях современного мирового развития. Ведь то, что хоть в какой-то мере и форме не присутствует в обществе, в чаяниях людей, насильственно им не навязать. А вместе с тем есть стремление осмыслить, насколько вообще возможна коррекция социального развития, не есть ли это лишь «пагубная самонадеянность» (Ф. фон Хайек), и на какие ценности и цели она может опираться. Ведь, в самом деле, «если не знаешь, куда пристать, то никакой ветер не будет попутным».

Ницше в свое время сказал красиво: «Мир неслышно вращается вокруг людей, создающих новые ценности». Интеллектуальная элита человечества, пережив крушение многих социальных идеалов и пору тупого прагматизма, ставшего реакцией на это крушение, всё же возвращается к поиску смыслов — своего существования, существования личности и самой Вселенной. Соци-

ально активные мыслители не только рожают новые, но, прежде всего, возвращают людям вечные ценности. Может быть, стоит сказать иначе — возвращают стремление осознать эти ценности на новом уровне, размышляя о современных вызовах жизни и возможных ответах на них. Но о каких ценностях идет речь? Не тут ли начинаются главные сложности? Даже те, кто склонен признать необходимость и реальное существование ценностей, объединяющих людей, часто относят это лишь к тем или иным конкретным культурам, нациям, конфессиям, идеологиям, территориальным объединениям людей, то есть — признают их локальное значение, но не общечеловеческое. Однако Папа Иоанн Павел II утверждает иное: «Всеобщие человеческие ценности существуют во всем многообразии культурных форм, и их следует найти и выделить как ведущую силу всего развития и прогресса» (Обращение к Папской академии социальных наук. Рим, 2001). И многие пытаются это сделать.

Естественно вроде бы и нам включиться в общий поиск, искать вместе с другими, прежде всего — самыми близкими нам по менталитету европейскими странами способы коррекции социального развития. Но, как показывают социологические исследования, большинство у нас склонно обособиться от Запада, нас преследуют собственные амбиции.

Мне уже как-то довелось писать, что у наших политиков, политологов, социологов очень модны строки Тютчева: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Но ведь это сказал поэт! Поэту позволено сегодня утверждать, будто мир залит солнцем и радостью, а завтра сокрушаться: в мире царит мрак безысходный. Политик или учёный, если ставят задачу понять Россию, могут понять ее именно умом, а не через сиюминутное ощущение действительности, измерить именно общим средством измерения, а не только русским аршином, и выявить ее место в общемировом, общечеловеческом пространстве. Но почему всё же так модны стали эти строки в наше время, можно сказать, укоренились в политическом и даже научном лексиконе? Кстати —

строки оборванные, ведь дальше-то говорится, что «в Россию можно только верить». Боюсь, что это продолжение утеряно не случайно: вера основательно подорвана. Ни понимания, следовательно, ни веры.

То есть для России проблема ценностей вроде бы невероятно значима — как раз потому, что страна в прошлом веке пережила глубокие общественные расколы и потрясения, в ходе которых не только отрицались те или иные ценности, но утрачивались все ориентиры, все точки отсчета — понятия добра и зла, нравственного и безнравственного, героического и позорного. Гражданская война — вершина раскола, но, я бы сказал, что в состоянии «холодной гражданской войны», протекающей то в открытом, то в латентном виде, Россия находится постоянно, по крайней мере, уже второе столетие. Это и теперь становится явным при любом общественном опросе: полярно противоположные ответы на вопросы, касающиеся как раз ценностей, делят общество, как правило, либо пополам, либо на иные крупные сегменты. Отношение к характеру власти и роли государства, к собственности, предпринимательству, к религии, к западной культуре — что ни возьми, все вызывает резкое расхождение взглядов, а толерантности и компромиссам мы не обучены. Скорее наоборот: нам более свойственно, не будет преувеличением сказать — привито отношение к тем, кто придерживается иной точки зрения, как к противникам и даже врагам.

Невольно возникает некая параллель с судьбой Германии. Близкий соратник Гельмута Коля Михаэль Мертес в книге «Немецкие вопросы — европейские ответы» исследует проблему национальной идентификации немцев. Какая, казалось бы, проблема в стране, где живет одна нация? Но Мертес следует «самому сильному и прекрасному», как он пишет, определению того, что составляет основу нации, данному французским мыслителем Эрнестом Ренаном. Эта основа — общая память о том, что было пройдено вместе. Общие достижения. Общее страдание. Общая виновность. В воссоединенной Германии это проявилось как нечто очень значимое. В течение четырех десятилетий разделенности страны чувст-

во общности у немцев не исчезло — потому что память была старше, чем разделение. Однако почти два новых поколения немцев сформировались в разных мирах, где и достижения, и страдания, и то, что порождало чувство вины, были разными. Сами критерии оценок того, что хорошо и что плохо, различались порой полярно. У каждой стороны накапливалась своя «общая память», и если прежде в Западной Германии была в ходу формула «два государства — одна нация», то теперь, когда границы нации и немецкого государства совпали, новой реальности лучше соответствует формула «одна нация — два общества». «Расколота память» — так характеризует автор состояние немецкой нации, немецкого общества даже через много лет после разрушения Берлинской стены.

Россия не знала подобной длительно разделенной жизни. Её народ совместно пережил и революцию, и гражданскую войну, и сталинские репрессии, противостояния времен перестройки и путча, сначала защиты, а потом расстрела Белого дома... Но пережил-то по-разному: одни были красными, другие белыми, одни сидели в тюрьмах, а другие писали доносы, сажали, охраняли и расстреливали, одни слали танки к Белому дому, другие стояли в живом кольце его защиты. Общая память или тоже расколота у этих людей, находившихся по разные стороны баррикад? Было ли всё, что случилось у нас в последние десятилетия, только верхушечным расколом, верно ли, что все страсти, как часто говорят, бушевали только в пределах Садового кольца? Имела ли каждая из сторон социальную базу в масштабе страны? Ответы на эти вопросы сейчас тоже очень разнятся.

В социальных науках понятия «закон общественного развития» или даже «закономерность» в наши дни практически исчезли. Ныне перед нами — ускользающий мир, ускользающий от познания, тем более — от раскладывания по полочкам. Не случайно в новейшей социальной мысли постоянно звучит тема «конца науки». Поэтому и оказывается легче всего отделаться от проблемы, сказав, сославшись на поэта, что такая вот мы непонятная по природе страна.

Вадим Сидур. Памятник погибшим от насилия. 1966

Не потому ли сегодня так трудно наладить взаимопонимание в обществе, не потому ли сталкиваются на любом общественном бранном поле не столько концепции, сколько кланы, объединенные общим корыстным интересом или приверженностью одному вождю? Не принципы, а беспринципность часто господствуют и внутри этих кланов, и в отношениях между ними. Предвыборные телевизионные дебаты – не сопоставление позиций, а чаще всего грубая перебранка. И если так, то тем более опасна для общества утрата самых основных ориентиров, социальных и духовных ценностей. Опасно то, с какой легкостью мы игнорируем само понятие «свобода», с каким пренебрежением отвергаем как ценность демократию, как просто, не спотыкаясь, выговариваем ругательное «дерьмократы»...

Мы сейчас переживаем некий критический момент, что некоторые связывают со сменой элит. Но корни, наверное, гораздо глубже: меняется власть, а не её аппарат. Характер и цели власти. Уходит окончательно ельцинская эпоха с её сумбурной уличной демократией, почти анархией, с лозунгами типа «берите, сколько проглотите», с жесткими столкновениями равновеликих сил и стрельбой, с множеством грубых просчетов в ходе часто импульсивных действий власти, из-за чего многое было развалено... В какой-то мере это было своего рода «созидательное разрушение» (термин Шумпетера), в какой-то – просто разрушение. Приходит же, утверждает себя эпоха Путина – под знаком Порядка, Вертикали, Управляемой демократии, что смахивает на «демократический деспотизм», предсказанный Токвилем. Трудно сказать, что это принесет нам. Но вот как пытается очертить изменения, например, Ольга Крыштановская из Института социологии РАН, изучающая как раз элиты общества: «Настает эпоха, в которой будут действовать другие правила. Это будут радикальные перемены. Зона контроля государства над обществом будет значительно расширена. Все те либе-

ральные ценности, о которых мы уже привыкли думать, что они практически незбылемы, больше не будут незбылемыми. Частная собственность в том числе... Движение к авторитаризму уже не вызывает сомнений. Бу-

Не следует ли нам, всему обществу, осознанно и основательно пересмотреть... сложившееся отношение к проблемам свободы и демократии и, несмотря на прежние неудачи, бороться за эти ценности, не отступая более ни на шаг

дет строиться модель капиталистического авторитарного общества. Не хочется вспоминать 30-е годы в Италии, Германии... Лучше взять пример нынешнего Китая или Южной Кореи...». Не дай Бог сбыться таким пророчествам! Но власть она и есть власть, она заинтересована в управляемости населения, в том, чтобы можно было обходиться самыми простыми средствами воздействия на него. Важнее, чтобы всё наше общество, гражданское общество осмыслило сейчас своё положение и свои основные интересы, нашло верные решения. Как заметил еще некий моралист пятого века, неверно думать, будто виновники появления тиранов – не мы, а другие люди, и что мы лишаемся свободы по недоразумению, без всякой вины, просто потому, что стали жертвой тирана. Это ошибка. Тирания является тогда, «когда из сердца народа исчезает потребность в общем для всех законе и праве. На место закона и права тогда становится отдельный человек. Поэтому некоторые люди не замечают тирании даже тогда, когда она уже наступила».

Стоит прислушаться к мудрецам прошлого. Так или иначе: не следует ли нам, всему обществу, осознанно и основательно пересмотреть под этим углом зрения сложившееся отношение к проблемам свободы и демократии и, несмотря на прежние неудачи, бороться за эти ценности, не отступая более ни на шаг. Отступать некуда, потому что позади та самая яма, в которую снова можно упасть и что-нибудь ещё себе отшибить.